

Корова-хамелеон

Поначалу бочки с жиром просто оставляли за штабелями брёвен. Но когда плотники возвели каркасы первых домов, припасы перенесли в наспех сколоченные сараи и приставили к ним стражу. Караульные в один голос божились, что не смыкали глаз и честно несли службу. Более того, никто не видел, чтобы кто-то чужой приближался к амбарам. Проверка, проведённая самим Фарфаноэрсом, подтвердила: среди своих воров нет. Это запутало дело окончательно.

— Странно всё это. Неужто призраки шалят?

— Ну и сказанули вы, мил человек... Мы ведь и сами, считай, призраки.

— Дурья твоя башка, я же в переносном смысле! Я к тому, что некая невидимая тварь таскает наш жир!

— А что, если и впрямь так?

Фарфаноэрс задумчиво кивнул:

— Некое невидимое существо действительно похищает наши запасы.

Стоило ему договорить, как Хельзе нерешительно подняла руку. Тонкие брови её сошлись у переносицы, а голос звучал приглушённо:

— Милорд, клянусь своей честью... Клафна последние дни была неотлучно при мне, она...

— А? Нет, ты не так поняла, я вовсе не её имел в виду, — Фарфаноэрс мягко прервал её. — Скорее, именно её способности натолкнули меня на одну мысль.

В ту же ночь он решил остаться на дежурство в одной из хижин у края поля. Сопровождать его был приставлен Адам, которого Вирадуан прислал в качестве подмоги — сам рыцарь предпочёл бы лично охранять покой лорда, но Гвидо заперся в своей лаборатории, а Хельзе ещё днём ушла на мельницу. Кто-то из доверенных лиц должен был оставаться в замке на случай непредвиденных обстоятельств, и выбор пал на Вирадуана.

Адам, ворча и поминая всех чертей, деятельно взялся за дело: развёл костёр и поставил греться чай. Помимо них, в хижине дежурил лишь немолодой мужчина по имени Урия. Он был из тех тихих и застенчивых людей, что не лезут на рожон. Когда Адам в своей резкой манере отверг его неуклюжую помощь, Урия ничуть не обиделся. Вместо этого он молча отыскал в гряде вещей подбитый мехом плащ и почтительно предложил его Фарфаноэрсу.

— Сдаётся мне, сегодня вообще не моя смена.

Адам пошевелил дрова щипцами. Ветхая постройка — а иначе это сооружение из тонких досок и соломы назвать было трудно — продувалась всеми ветрами. Чтобы иметь возможность в любой момент увидеть, что происходит на поле, одну стену и вовсе оставили открытой. Единственным спасением от холода оставался костёр; приходилось сидеть к нему почти вплотную, пока кожа не начинала гореть от жара, слушая весёлое потрескивание поленьев.

— И что с того?

— Ну, я к тому, что раз уж я вызвался сопровождать вас этой ночью... Может, зачтёте мне это как дежурство авансом?

Фарфаноэрсу не впервой было видеть, как этот бывший воришка пытается выторговать себе выгоду при каждом удобном случае. Нужно признать: наглость Адама была поистине безграничной.

— Посмотрим, как ты проявишь себя сегодня, — лорд бросил на него мимолётный взгляд, похозяйски уклонившись от прямых обещаний.

Адам лишь пожал плечами. Не беда — в крайнем случае, он будет доносить господина разговорами до самого рассвета. Если, конечно, Фарфаноэрс не решит в ответ «наградить» его какой-нибудь магической мигренью.

Тёмные тучи тяжёлым одеялом накрыли ущербную, странно иссохшую чёрную луну. Поля замерли в безмолвии. Лишь изредка в ночном небе проносились птицы, чьи глаза в темноте вспыхивали двумя яркими искрами, подобно брошенным жемчужинам.

— Так всё-таки, кто ворует жир? — Адам, не выдержав тишины, снова подал голос.

— Не знаю, — Фарфаноэрс выдержал паузу, предотвращая очередную колкость подчинённого.
— Есть одна догадка, но нужно подождать.

Эта фраза только больше спутала карты. Чего именно им нужно ждать? Вдали слышался шорох ветра, пугала своими резкими криками ночная живность, а соломенные чучела, раскачиваясь, походили на призранных стражей. Преисподняя словно сама вырезала в душах людей нишу для первобытного страха... Чтобы хоть как-то разогнать тьму, на шеи чучел повесили фонари, чьё тусклое пламя заставляло мрак неохотно отступать.

— Пора на обход, — подал голос Урия, поднимаясь за снаряжением.

Правила ночного патрулирования были строги. Нужно было облачиться в плотную льняную одежду с длинными рукавами, натянуть штаны, обмотать ноги обмотками, надеть высокие

сапоги и накинуть плащ с глубоким капюшоном. Нельзя было оставлять ни одного открытого участка кожи. С собой патрульные брали факелы, ножи, луки и сумки с Огненными орхидеями. На обход всегда выходили вдвоём и старались двигаться быстро, пока остальные оставались в хижине, готовые прийти на помощь. Рядом с навесом была сооружена небольшая вышка; в случае беды часовой должен был зажечь сигнальный огонь, оповещая замок или мельницу.

Впрочем, у лорда, который вовсе не нуждался в сне, было своё мнение о том, кто первым заметит угрозу.

— Погодите. Вы хотите сказать, что в патруле обычно всего три человека?

Он обратился к Адаму и Урии, которые уже заканчивали сборы.

— Трое или четверо, милорд... Ближе к рассвету нас сменяет другая группа.

— И если вы оба уйдёте в дозор, а я останусь здесь, никто не сможет прокрасться к навесу?

— С вышки отлично видно и край поля, и саму хижину — всё как на ладони. Вы сами убедитесь, стоит только подняться туда.

«Вот оно что».

Фарфаноэрс махнул рукой:

— Ступайте. Я присмотрю за местом.

Адам, прекрасно знавший, что лорд способен в одиночку уложить любого зверя, натянул капюшон и лениво обернулся через плечо:

— Смотрите в оба, господин. Не дайте воришке уйти.

Фарфаноэрс не удостоил его ответом. Он неторопливо отхлебнул обжигающего чая и, когда патрульные скрылись из виду, принялся осматривать скудное убранство хижины: обрывки ткани, корзина с парой мисок, ворох кос, вил и мотыг, сваленных в тележку. Рядом стоял деревянный ящик для личных вещей. Не питая интереса к чужим тайнам, юноша поставил чашку на пол. Он думал о том, что нынешние способы передачи сигналов безнадёжно устарели.

Днём — дым от костра, ночью — пламя факела. Человечество использовало эти методы с древнейших времён, но Фарфаноэрс пришёл из мира, где подобные технологии давно стали историей. Чем их заменить? Звуком? Расстояния здесь не такие уж большие, быть может, гонг или колокол справятся лучше? Хотя нет, вряд ли звук долетит до замка...

Он замер, погружённый в раздумья. Ледяной порыв ветра заставил пламя костра пригнуться, едва не лизнув край его одежды, но юноша даже не шелохнулся. Костёр снова разгорелся, патрульные всё не возвращались, а он сидел неподвижно, даже не притрагиваясь к сигнальному рогу.

Фарфаноэрс смотрел перед собой, не мигая, словно его веки вовсе не умели опускаться. В эту кошмарную ночь, в роли хозяина этих мрачных земель, чувствовал ли он себя в своей тарелке? Или всё это было для него лишь досадной помехой?

Топ-топ. Топ-топ.

Осторожные, вкрадчивые звуки. Словно невидимая рука начала медленно сдвигать детали этого ночного пейзажа. Тень в углу хижины странно вздулась и начала плавно смещаться вперёд.

Тот, кто казался погружённым в свои мысли, по-прежнему хранил молчание. Маленький паук прополз по его лицу, пересёк немигающий глаз и спрыгнул на землю. В следующее мгновение Фарфаноэрс стремительным движением перекатился в сторону, а ядовитая тварь, притаившаяся во мраке, уже впилась зубами в незваного гостя.

Раздался яростный рёв и глухой топот. В наступившем хаосе лорда едва не раздавили, но теперь невидимый вор явил свой истинный облик.

— Корова-хамелеон... — Фарфаноэрс поморщился. — Ну и название.

Это был дикий бык, из тех, что мигрируют в Сезон зелёного тумана. Своё прозвище животное получило за уникальную способность менять окрас шкуры под стать окружению. Корова-хамелеон справлялась с этим куда искуснее земных ящериц: в неподвижности она полностью растворялась в пейзаже. Однако «смена цвета» и «невидимость» — вещи разные. При движении маскировка неизбежно давала сбои, и потому эти звери отличались крайне медлительным и осторожным нравом.

Это объясняло, почему часовые на вышке и караульные в хижине не замечали вора. Люди уже всерьёз подумывали о том, чтобы каждое утро таскать бочки с жиром из замка, а вечером уносить их обратно, лишь бы прекратить эти таинственные исчезновения.

Вскоре Адам и Урия, привлечённые шумом, примчались обратно.

— Эй, вы целы?! — Адам ворвался в хижину, сжимая в руках какую-то дубину. Не раздумывая долго, он задвинул за спину Фарфаноэрса, который как раз поднимался с земли и отряхивал пыль с одежды.

— Как тебе удаётся быть настолько бесцеремонным, используя при этом вежливые обращения?

— не выдержал лорд. Ему до смерти не нравилось, когда его хватили за шиворот.

— Что... что это за тварь?! — вскрикнул побледневший Урия.

— О... не узнаете? — Фарфаноэрс указал подбородком на зверя, который теперь, утратив маскировку, бессильно осел на землю.

— Это... корова?

Когда нечто выглядит как корова, мычит как корова, и даже Лорд признаёт в нём корову...

— Неужто коровы теперь воруют жир? — Адам с недоумением обошёл вокруг потерявшего сознание животного. — Впервые такое вижу.

— Полагаю, всё дело в цветах, которые добавили для окраски, — проанализировал Фарфаноэрс. — У Пшеницы-ежа в период роста есть свои защитные механизмы... Чтобы не конкурировать с другими травоядными, эти быки приспособились поедать ядовитые растения.

В вопросах украшения лорд обычно придерживался политики невмешательства: «лишь бы люди были довольны». Лосиный жир сам по себе обладал отличными защитными свойствами. Плотники провели несколько опытов: если добавить в жир Амарант-трубу и выдержать три дня, смесь застывала. Затем её снова разбавляли водой до состояния густой пасты, получая отличный водостойкий состав для строительства, который к тому же можно было бесконечно разводить.

По опыту мастеров, одного слоя разбавленного состава было недостаточно для создания защитной плёнки, требовалось два. Расходы выходили небольшими: со второго захода жир окончательно впитывался в древесину. Однако сам лосиный жир имел грязновато-серый оттенок, и даже самые яркие лепестки, попадая в этот чан, безнадежно блёкли.

Желая сделать цвета сочнее, строители начали сыпать краситель пригоршнями, обобрав все яркие цветы в округе. Дело дошло до того, что они покусились на клумбы в замковом саду, за что, разумеется, были нещадно обруганы Гусем-монстром.

Наверное, даже бык не ожидал, что люди могут быть настолько одержимы тягой к прекрасному. Оказавшись в этих краях и не найдя привычного корма, зверь почувствовал знакомый аромат ядовитых трав, исходящий от бочек, и инстинктивно пришёл на запах.

Тут Фарфаноэрса посетила одна мысль: а не ядовиты ли испарения этих цветов? Те растения, что украшали замок, он отбирал лично, но здесь... Бог весть, что они там намешали. Не придётся ли после покраски проветривать дома годами?

«Это что же получается... преисподний формальдегид?»

<http://bllate.org/book/16116/1589157>